

«Реформисты все испытывают на себе,
а потом ортодоксы нас догоняют»:
толкование периода пандемии COVID-19
в российском реформистском иудаизме

Мария А. Шишигина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, shishiginamaria@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу толкования периода пандемии COVID-19 членами общин российского реформистского иудаизма. Проблема исследования связана с тем, что реакция на введенный государством режим карантина в религиозном поле была неоднозначной. Таким образом, существует необходимость анализа различных кейсов. В настоящей статье рассматривается ответ на пандемию среди раввинов иудейских реформистских общин России, а также теологическое основание выбранной стратегии коммуникации в кризисный период. Ключевой вопрос исследования: как теологически обосновывают необходимость перехода религиозной службы в онлайн лидеры реформистского движения? Исследование проведено с использованием полуструктурированного интервью, а также включенного наблюдения. В результате анализа данных интервью, была выявлена общая позиция движения, разрешающая изменять форму религиозного ритуала в зависимости от контекста, в данном случае во время пандемии жизнь отдельного верующего находится под угрозой. Лидеры рассматриваемых общин также не встретили сопротивления касавшему выработанной позиции среди верующих (как наблюдалось в ортодоксальных сообществах).

Ключевые слова: реформистский иудаизм, теология реформистского иудаизма, реформистский иудаизм в России, религия онлайн, иудаизм и пандемия COVID-19

Для цитирования: Шишигина М.А. «Реформисты все испытывают на себе, а потом ортодоксы нас догоняют»: толкование периода пандемии COVID-19 в российском реформистском иудаизме // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 7. Ч. 2. С. 199–210. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-199-210

“Reformists experience everything themselves,
and then the Orthodox catch up with us”:
interpretation of the period of the COVID-19 pandemic
in Russian reform Judaism

Maria A. Shishigina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
shishiginamaria@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to understanding of the interpretation of the period of the COVID-19 pandemic by members of the communities of Russian Reform Judaism. The problem studied is that in the religious field the reaction to the state quarantine measures was ambiguous. Thus, there is a need to analyze various cases. This article examines the reaction to the pandemic among the rabbis of the Jewish Reform communities in Russia, as well as the theological explanation of the chosen way to communicate during the crisis period. The key question of the study: how do leaders of the reform movement theologically define the need to move religious services online? The study was conducted using semi-structured interviews and participant observation. As a result of the analysis of interview data, the general position of the movement allowed changing the form of a religious ritual depending on the context. In this case, during a pandemic, the life of an individual believer is at risk. The leaders of the communities in question also did not meet resistance regarding the developed position among the believers (as opposed to the orthodox communities).

Keywords: Reform Judaism, Reform Judaism theology, Reform Judaism in Russia, religion online, Judaism and the COVID-19 pandemic

For citation: Shishigina, M.A. (2022), “ ‘Reformists experience everything themselves, and then the Orthodox catch up with us’: interpretation of the period of the COVID-19 pandemic in Russian reform Judaism”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, part 2, pp. 199–210, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-199-210

Период пандемии COVID-19 преобразовал повседневную жизнь людей – онлайн технологии стали неотъемлемой частью любого процесса коммуникации во всех сферах жизнедеятельности, где существует межличностная коммуникация [Цветкова 2020]. Процессы цифровизации происходили в обществе и до пандемии, однако, оставались сферы жизни людей, где применение онлайн технологий казалось невозможным. Религия является довольно устойчивой системой традиций и ритуалов и, казалось бы, сакральные пространства храмов, синагог, мечетей и др. сложно поддаются

переносу в онлайн-режим. Однако в XXI в. в силу процессов глобализации происходил постепенный процесс цифровизации религии.

Известные еще до пандемии примеры использования цифровых технологий – часовни онлайн¹, где можно поставить свечку, виртуальные 3D паломничества² или онлайн-исповеди и др., свидетельствуют о том, что религиозные институты постепенно трансформировались в соответствии с тенденциями современной цифровой культуры. Изменения касались как формы проведения ритуала, так и содержания. Религиозные собрания в храмах превратились в онлайн-сообщества дифференцированные по принадлежности к той или иной религии, а содержание ритуала стало включать в себя цифровой элемент – виртуальные свечи, молитвенники и т. д.

Кризисная ситуация пандемии COVID-19 привела к введению режимов карантина по всему миру. Одно из первых ограничений касалось собраний большого количества людей в одном месте. В большинстве религий, собрания играют важную, часто основную роль при совершении религиозного ритуала – молитвы, литургии, проповеди и др. Государственные ограничения поставили многих религиозных лидеров перед вызовом – необходимостью выработать позицию по отношению к цифровым технологиям и возможности их применения в богослужениях.

Если до пандемии COVID-19 некоторые религиозные общины могли по собственной инициативе начать использование цифровых технологий, то период карантина и ограничения государства, коснувшиеся большинство религиозных организаций, поставили религиозных лидеров в безвыходную ситуацию необходимости переноса храмовых богослужений в онлайн-формат. При принятии решений о том, как в новых условиях карантина проводить религиозные службы, лидеры опирались на традицию, теологию своего движения. Таким образом, ключевой вопрос настоящей статьи: как теологически обосновывают использование цифровых технологий для проведения религиозных ритуалов представители реформистского иудаизма в России?

В иудаизме, как и в других религиях, не было однозначной реакции на возникшие во время пандемии социальные ограничения. Каждое течение иудаизма сформировало свой ответ на возмож-

¹Поставить свечку онлайн – виртуальная часовня // Святая Матрона. URL: <https://omatrone.ru/postavit-svechku-online-virtualnaya-chasovnya.html> (дата обращения 24 декабря 2021).

²Виртуальные туры (экскурсии) по Храмам Иерусалима: Свеча Иерусалима. URL: <https://santosepulcro.co.il/virtualnyy-tur/> (дата обращения 24 декабря 2021).

ность перехода религиозной жизни в онлайн режим. К примеру, известны случаи массовых протестов ультраортодоксальных иудеев на ограничения, введенные государством в связи с пандемией COVID-19³. Организационная структура и религиозная традиция в этих общинах противоречит мерам по борьбе с пандемией – социальной изоляции и дистанцированию. Данная традиция требует постоянного совместного нахождения иудеев во время обучения в религиозной школе, совместной молитве, для которой необходим миньян. Общинная составляющая занимает основную часть образа жизни ультраортодоксальных иудеев.

Можно заметить, что еще до начала пандемии в этих общинах было сформировано негативное отношение к современным технологиям. Ярким примером служит создание кошерного смартфона, в котором отсутствует возможность использования 3G сети [Campbell 2010, p. 174]. Соответственно, режим карантина обострил вопрос использования цифровых технологий и Интернета в этих общинах. Религиозные лидеры встали перед проблемой нарушения религиозного или государственного закона.

В реформистских или общинах прогрессивного иудаизма отношение к цифровым технологиям коренным образом отличалось от ортодоксальных. В основе теологии этого течения лежит принцип информированного выбора (концепция Informed choice) и возможность трансформации ритуала в зависимости от культурных, социальных, политических и других внешних факторов, влияющих на жизнь общины. В рассматриваемой ситуации карантина при отсутствии возможности собираться физически в синагоге, цифровые площадки, позволяющие проводить религиозные ритуалы онлайн, стали активно использоваться в повседневной жизни членов реформистских общин⁴.

В теологии прогрессивного движения в иудаизме существуют несколько положений, которые формируют отношение к светскому миру и способ адаптации иудея в нем. В Священном Писании

³Ultra-Orthodox Jews protesting against COVID rules clash with security // Euronews. URL: <https://www.euronews.com/2021/02/10/ultra-orthodox-jews-protesting-against-covid-rules-clash-with-security> (дата обращения 23 декабря 2021).

⁴Более подробно о том, как трансформировалась религиозная жизнь во время пандемии, сформировались новые религиозные практики с применением цифровых технологий в реформистских общинах России см.: *Шишигина М.А. Цифровые практики в прогрессивном иудаизме в России во время пандемии COVID-19 // Цифровая иудаика: исследование еврейских общин в онлайн-пространстве. М., 2022. С. 45–64.*

нет позиции по отношению к Интернету, однако основоположники реформистского движения, позднейшие интерпретаторы религиозного текста, четко формулируют отношение к достижениям науки, культуры, медицины и других сфер жизни человека. Выработанная основоположниками движения философия позволяет сегодняшним раввинам экстраполировать устоявшиеся догматы на отношение к цифровым технологиям в современном мире.

В настоящей статье предлагается рассмотреть теологическое основание и интерпретацию периода пандемии лидерами российских реформистских общин. В первой части статьи рассматриваются общие теоретические принципы движения, а во второй сравнивается теория с практикой – как теологические постулаты позволяют раввинам интерпретировать пандемию.

Реформистский иудаизм возникает в Германии в результате освоения идей Просвещения. В интеллектуальном контексте того времени, прогресса науки, развития общества, появляется необходимость легитимации религии для человека. Религиозные институты не могли игнорировать прогресс в обществе, и возникла необходимость обоснования традиции, которая могла бы не противоречить актуальному культурному контексту. Отсюда реформисты приходят к пониманию того, что некоторые ритуалы могут быть пересмотрены или заново объяснены.

Одним из основных положений реформистского течения является понимание исторического прогресса и развития религии. Иудаизм, в данном случае, является динамичной формой, встраивающейся в общий ход развития окружающего социума и культуры [Kessler 2001, р. 30]. Согласно реформистским мыслителям и идеям библейской критики, необходимо понимать, что если определенные ритуалы потеряли свое значение, то они не заслуживают соблюдения сегодня [Baume 1980, р. 62].

Принцип историзма позволяет поместить религиозную мысль в тот исторический контекст, для которого актуальна та или иная система мышления и культура человека. Обоснование подобного отношения к ритуалу связано с тем, что ритуал понимается как средство достижения религиозных целей и не должен быть самоцелью [Meuer 2006, р. 78]. Развитие исторической науки и вместе с ней критики Священного Писания способствовало возникновению реформистского движения, в котором наука, в том числе достижения медицины, не должны противоречить религии.

Исходя из положения о возможности модификации ритуала, в первых реформистских общинах изменялся, к примеру, формат музыкального сопровождения службы, молитвенники, язык проповеди и др. В современных общинах реформистского иудаизма

нет единого установленного порядка проведения службы – музыкальное сопровождение, язык определяются в каждой отдельной общине самостоятельно.

Одним из примеров исторических вызовов в иудаизме, возникших с прогрессом в обществе, являлся женский вопрос. В реформистском иудаизме в определенный момент, с получением женщинами прав в бракоразводном процессе, сформировалось отношение равноправия между мужчинами и женщинами. Женщины могут становиться раввинами, имеют те же статусные (в религиозном смысле) возможности, что и мужчины – во время службы они сидят вместе с мужчинами, выходят к Свитку Торы.

Еще одним важным демаркационным маркером движения является этнический фактор. Реформистские общины открыты для людей с нееврейским происхождением – существует возможность прохождения гиюра, принятия иудаизма вне зависимости от национальной и этнической принадлежности предков. Реформистские сообщества, в отличие от ортодоксальных, где религия связана с этническим фактором, гармонично существуют в различных странах с определенными культурными и национальными особенностями.

Приведенные примеры показывают, что реформистское движение на протяжении своей истории следовало актуальной социальной повестке – решению женского вопроса, а также не противоречило глобальным процессам, происходящим в обществе, – глобализации, миграции, которые неизбежно приводят к росту числа смешанных браков. В современной ситуации встает логичный вопрос о необходимости принятия цифровых технологий, ставших неотъемлемой частью повседневности человека.

Прежде чем обратиться к анализу решения этого вопроса российскими реформистами, стоит обратить внимание на то, что в силу либеральности движения, мировое сообщество прогрессивного иудаизма неоднородно. В зависимости от культуры, в которой находится община, и даже более локально – города, конструируется особая идентичность, выражающаяся в религиозных практиках. Американский прогрессивный иудаизм отличается от европейского, внутри европейского контекста также существуют свои демаркационные линии – евреи Восточной и Западной Европы. В России прогрессивный иудаизм является молодым течением, возникшим после распада СССР. Общины России, Белоруссии и Украины образуют отдельное крыло стран бывшего Советского Союза во Всемирном Союзе прогрессивного иудаизма⁵. В настоящей статье

⁵WUPJ FSU // World Union for progressive Judaism. URL: <https://wupj.org/fsu/> (дата обращения 23 декабря 2021).

рассматривается российский кейс, результаты исследования необходимо далее верифицировать и сравнивать с другими странами.

Во время пандемии COVID-19 реформистские общины в России (в настоящей статье речь идет о двух крупных общинах Москвы и Санкт-Петербурга) начали активно использовать Интернет и цифровые площадки в религиозных ритуалах. В зависимости от взглядов религиозных лидеров и предпочтений членов общины, выбирался определенный формат использования технологий. Поскольку в Москве и Санкт-Петербурге были введены строгие социальные ограничения, общины не могли собираться очно в синагоге.

Один из российских раввинов описывает взаимоотношение с цифровыми технологиями следующим образом:

И онлайн и оффлайн будут в дальнейшем существовать вместе, потому что от этого уже никуда не деться. Мало того, у нас эта идея была еще лет десять назад. Как только началась эпоха интернета — зум, скайп, пошли вот эти программы, даже до зума. И мы рассматривали, как делать трансляцию (Интервью 1).

Сказанное подтверждает теоретическое положение реформистского иудаизма о том, что религия не должна противоречить историческому прогрессу, достижениям науки, в конкретном случае развитию технологий. Более того, респондент считает важным следить за трендами, происходящими в социуме. Таким образом, в реформистских общинах не возникло теологического спора о том, можно ли проводить службы онлайн, как это было в других ортодоксальных общинах. Российский раввин в интервью привел следующее теологическое обоснование использования Интернета в пандемию:

У нас действует принцип пикуах нефеш. Если нам ради сохранения жизни нужно даже переступить через некоторые заповеди, то мы должны это сделать. Здесь вопрос был совершенно очевидный, поскольку речь идет о сохранении жизни и ограничения связаны именно с этим, тогда ни у кого не было вопросов с тем, что мы не посещаем синагогу, а смотрим онлайн (Интервью 1).

Несмотря на то что теологических споров о легитимности использования Интернета во время религиозных служб в реформистской среде не возникло, личное отношение к онлайн-молитвам оставалось разным — некоторые лидеры предпочитали офлайн-молитвы онлайн. Однако необратимость процесса технологической революции в период пандемии не отрицали даже те лидеры общин,

которые лично не приветствуют и не используют Интернет как основной способ коммуникации между верующими. Один из таких лидеров описывает Zoom следующим образом:

Как я и предполагал, избавиться от этого мы уже вряд ли сможем – от этого подсматривающего ока (Интервью 3).

Интерпретация Интернета как «подсматривающего ока» свидетельствует о том, что технологии рассматриваются как нарушающие сакральное пространство синагоги. Далее в интервью респондент объясняет, что в современной ситуации неизбежно использование Zoom при проведении молитв, однако лично предпочитает очное сопresутствие участников, в крайнем случае по уважительным причинам люди имеют возможность посетить синагогу онлайн:

Я всегда включаю (Zoom. – *М. Ш.*), всегда кто-то заходит. То есть, например, несколько пенсионеров, которые не выходят из дома... или есть у меня люди, которые всегда ходят по субботам, а в пятницу не могут прийти, но включаются в онлайн. Поэтому ну присутствие это есть, я, конечно, знаю – это все люди наши там, свои. И в любом случае если есть выбор между тем, что ничего не получить и получить онлайн, то лучшее получить онлайн (Интервью 3).

Респондент также поясняет, на чем основана такая позиция по отношению к цифровым технологиям:

Потому что момент общинности – это то, что не может заменить зум. Я бьюсь все эти последние годы, чтобы люди хотели общаться друг с другом. Это (присутствие в синагоге. – *М. Ш.*) все равно буферное общение, общение до, общение после. Оно является не менее важным, чем сама молитва (Интервью 3).

Использование технологии в данном случае не отвечает целям и задачам, которые ставит перед собой в работе лидер данной общины. Его цель наладить горизонтальные связи между верующими путем личного общения в синагоге. Таким образом, цифровые технологии используются как дополнительный инструмент коммуникации в вынужденной ситуации карантина.

В первом случае, когда лидер рассматривает цифровые технологии как основной канал для коммуникации и нацелен на их развитие, они представляются способом расширения сообщества, что является одной из задач данной общины:

Не все люди будут ходить в ортодоксальную или хасидскую синагогу, в других городах туда не пойдут, потому что не интересно им там, а реформистской синагоги нет. И скажем, зум онлайн трансляции – это спасение для многих людей (Интервью 2).

В данном случае технологии являются способом привлечения новых членов общины или тех, кто по объективным обстоятельствам не может присутствовать в синагоге. Лидеры общины отмечают, что получают много запросов от людей из других городов и даже стран, которых интересует русскоязычная реформистская молитва:

Люди просят онлайн, но просят не москвичи, а ближайшее замкадье, там тяжело людям добираться. В основном просьбы не прерывайте онлайн – это просьбы людей из других городов. Нас смотрят не только в России, я могу с уверенностью сказать, что нас смотрят Польша, Израиль и даже Америка. Ну смотрят понятно, что русскоязычные (Интервью 2).

Таким образом, в каждой общине выбирается наиболее удобный и подходящий определенному запросу формат использования цифровых технологий. Как пишет Х. Кемпбэлл:

Многие религиозные группы рассматривают медиа как проводник. Это обозначает, что они воспринимают его как нейтральный инструмент, который служит во благо или во зло в зависимости от способа использования. <...> Те верующие, которые видят медиа как проводник, могут с легкостью использовать его в инновационном виде без идеологического конфликта [Campbell 2010, p. 47].

Именно такое отношение наблюдается в общинах реформистского иудаизма. В зависимости от количества числа верующих, предпочтений руководителей, тех целей, которые ставит перед собой община, выбирается определенный способ встраивания цифровых технологий в религиозную жизнь.

Толкование пандемии и отношение к цифровым технологиям выразилось также в конструировании идентичности и строгом разделении Мы – прогрессивные иудеи и Они – ортодоксы. Реформистская община репрезентирует себя как прогрессивное сообщество, опирающееся на идеалы быстроменяющегося современного мира, в котором цифровые технологии составляют неотъемлемую часть повседневности человека. Пандемия стала моментом, когда реформистское движение приняло вызов культурного контекста

в соответствии со своей философией – присвоило цифровые технологии.

К примеру, в реформистском иудаизме разрешается пользоваться Интернетом в Шаббат, что необходимо для проведения службы онлайн, в ортодоксальных общинах раввины столкнулись с проблемой, когда религиозный догмат не позволяет подключиться к Интернету и провести службу онлайн. Реформистский лидер описывает прогрессивность своего движения в противовес ортодоксии следующим образом:

Сейчас все перешли в онлайн, даже ортодоксия использует возможности онлайн. Да, у них есть свои ограничения, например, есть определенные вещи, которые можно делать до наступления Шаббата, и они это делают. В прошлом году у ортодоксии была целая дискуссия, когда наступал седер – как сделать онлайн-трансляцию пасхального седера, поскольку все-таки закон Йом това (праздничного дня) менее строгий, чем Шаббата. Поэтому там больше свободы использования электричества, там были какие-то ограничения. Потом было даже постановление, которое разрешало, потом его отменили. Но сам факт того, что этот вопрос обсуждался, уже говорит о том, что рано или поздно туда тоже придет... реформисты все испытывают на себе, а потом ортодоксы нас догоняют (Интервью 2).

Важным аспектом изучения религиозной жизни в пандемию является вопрос различия между онлайн- и офлайн-ритуалами. В настоящей статье анализируется восприятие онлайн религиозными лидерами, которые организуют молитвы, выбирают порядок проведения ритуала, составляют проповеди и т. д. В интервью респонденты отмечали, что в организационном и содержательном плане онлайн-ритуалы имеют свои преимущества и недостатки.

Один из лидеров реформистской общины объясняет, почему онлайн-молитва не может заменить физическое присутствие в синагоге:

Я считаю, что молитва – это такой процесс, в котором очень важно сосредоточение, присутствие, нахождение с определенными людьми рядом (Интервью 3).

Ведущие религиозную службу обосновывают важность физического присутствия и описывают свое ощущение при чтении онлайн-проповеди следующим образом:

Для меня лично важен зрительный контакт. Работа обязывает, иначе эмоции сложно включать (Интервью 2); Если говорить пропо-

ведь – тут важно тоже, конечно, видеть людей и это, конечно, сложнее. Тут ощущение, будто говоришь в пустоту – это сложнее всегда (Интервью 1).

Для обоих респондентов, ведущих молитвы, физическое присутствие в синагоге имеет большую важность для формирования эмоционального контакта с аудиторией, возможности отслеживать обратную реакцию, конструировать сакральное пространство храма. Помимо сложности в выстраивании эмоционального контакта, при онлайн-формате изменяется также и содержание проповеди, в зависимости от того, кто ее слушает:

Я понимаю, что даже текст моей проповеди может измениться в зависимости от того, в чьи глаза я смотрю (Интервью 3); Тут ответственность, что мы должны выйти вовремя, то есть должен быть порядок. И одно дело, когда сидит 15 человек и что-то перепутал и другое дело, когда смотрят тысячи – и конечно тут каждое слово имеет значимость. И важно, что это донесено (Интервью 1).

Подводя итог, прослеживается совпадение уровня теории и практики в реформистских общинах России. Теология движения предполагает возможность трансформации религиозного ритуала в зависимости от контекста. В данном случае во время пандемийных ограничений лидеры реформистских общин начали использовать Интернет для собраний, основываясь на теологическом принципе пикуах нефеш – сохранении жизни. Лидеры реформистского движения подчеркнули необходимость и неизбежность цифровой эпохи, в связи с чем не наблюдалось их отрицания и противостояния, а наоборот, отмечалось приветствие технологий как способствующих развитию движения. Стоит отметить, что не все респонденты выразили желание развивать технологическую составляющую при проведении ритуалов, однако легитимность использования Интернета не оспаривалась.

Источники

Интервью 1. Раввин общины прогрессивного иудаизма. Личный архив М.А. Шишигиной; зап. 19.03.2021, г. Москва.

Интервью 2. Кантор общины прогрессивного иудаизма. Личный архив М.А. Шишигиной; зап. 19.03.2021, г. Москва.

Интервью 3. Исполняющий обязанности раввина общины прогрессивного иудаизма. Личный архив М.А. Шишигиной; зап. 31.03.2021, онлайн (Skype).

Литература

- Цветкова 2020 – *Цветкова Г.А.* Пандемия и поведение россиян: социологический срез // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 72–81.
- Bayme 1980 – *Bayme S.* Claude Montefiore, Lily Montagu and the origins of the Jewish religious // *Transactions and miscellanies (Jewish Historical Society of England)*. 1980. Vol. 27. P. 61–71.
- Campbell 2010 – *Campbell H.A.* When religion meets new media. N.Y.: Routledge. 2010. 228 p.
- Kessler 2001 – *Kessler E.* Claude Montefiore and liberal Judaism // *European Judaism: A Journal for the New Europe*. 2001. Vol. 34. P. 17–32.
- Meyer 2006 – *Meyer M.* Rabbi Dr Baeck's legacy to progressive Judaism // *European Judaism: A Journal for the New Europe*. 2006. Vol. 39. No 2. P. 70–79.

References

- Bayme, S. (1980), "Claude Montefiore, Lily Montagu and the origins of the Jewish religious" in *Transactions and miscellanies (Jewish Historical Society of England)*, vol. 27, pp. 61–71.
- Campbell, H.A. (2010), *When religion meets new media*, Routledge, New York, USA.
- Kessler, E. (2001), "Claude Montefiore and liberal Judaism", *European Judaism: A Journal for the New Europe*, vol. 34, pp. 17–32.
- Meyer, M. (2006), "Rabbi Dr Baeck's legacy to progressive Judaism", *European Judaism: A Journal for the New Europe*, vol. 39, no. 2, pp. 70–79.
- Tsvetkova, G.A. (2020) "Pandemic and Russian behavior. Sociological cross-section", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 72–81.

Информация об авторе

Мария А. Шишигина, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; shishiginamaria@mail.ru

Information about the author

Maria A. Shishigina, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; shishiginamaria@mail.ru